

Алла Камалова
Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

МЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Одна из главных задач методологии — систематизация и критика методов. Как пишет Л.М. Васильев,

современная методология пришла к выводу, что один и тот же объект можно описать с помощью различных теорий. И лучшей из них должна быть признана та, которая характеризуется наибольшей непротиворечивостью, простотой и объяснительной силой, т.е. наибольшей адекватностью объекту (2007, 154).

Прежде всего следует отметить различное понимание метода: условно их можно определить как «широкое», при котором метод понимается как путь познания, отражающий теоретический уровень науки, ее методологию, и «узкое», — как совокупность конкретных приемов изучения объекта, детерминированных предметом исследования. Классификация методов в языкознании остается неразрешимой проблемой, этому способствует неразличение понятий «принцип», «аспект», «подход», «методика», «прием», «процедура» и «метод». В данной работе говорим о методе в широком понимании, как пути познания, для которого актуальны совокупность аспекта, подхода, частных методик, приемов, процедур.

Теоретическая лингвистика XX века сложилась «в результате пересмотра концептуальной базы классической описательной лингвистики и критического усвоения раннего структурализма» (Фрумкина 1996, 69). На ее базе сформировалось оригинальное представление о методе как о сложной системе, которая включает три части:

методику (выявление нового материала и введение его в научную теорию), собственно метод (способ систематизации материала и объяснение этого материала) и методологию (соотнесение уже описанного и систематизированного материала с данными смежных наук и, прежде всего, с философией) (Степанов 1975, 4 сл.).

Особенность этой системы выявляется при сопоставлении со сложившимся положением дел в американской лингвистике, где иное понимание метода, методологии, предмета науки о языке (там же). Монография Ю.С. Степанова середины семидесятых годов XX века отражает традиционно сложившееся понимание о предмете — методе — методологии в российской лингвистике; однако уже в начале девяностых годов положение дел существенно меняется.

Формальные описания выявили, что язык как система гораздо сложнее, чем предполагалось, а языковые факты менее регулярны, чем представлялось. Осознание данного факта стало движущей силой для поисков и многочисленных экспериментов в языкознании. Методологическая основа современной лингвистики начинает соотноситься с идеей научной парадигмы, а антропоцентризм становится ведущим принципом языковых исследований в последнее десятилетие уходящего века.

Антропоцентрическая научная парадигма объединила исследователей различных областей знаний и направила их усилия на один объект — на человека, его системы. Проблемы отражения мира в языке являются поэтому не только лингвистическими, но и философскими, гносеологическими проблемами, связанными с соотношением субъективного и объективного в наших знаниях и представлениях о мире (Шатуновский 1996, 21). Такое положение дел потребовало от лингвистики пересмотра ее важнейших принципов: если в системоцентрических исследованиях главным было выявление «смыслов» языковой системы и их классификация, то в антропоцентрических — изучается специфика языкового представления действительности, с развитием когнитивной лингвистики возрастает роль семантики.

Антропоцентрический принцип в лингвистике и современное понимание языкового знака — его обращенность к внеязыковой действительности и к человеку, воспринимающему эту действительность, его культуре, истории, психологии, — заставляют изменить указанные границы, говорить о границе между когнитивными и прагматическими аспектами языкового значения, учитывая при этом, что граница эта может быть весьма подвижной (Булыгина, Шмелев 1997, 7). Одной из актуальнейших проблем отечественной лингвистики становится изучение языковой картины мира, языковой концептуализации действительности. В связи с этим происходит «сдвиг в сторону ментальности известных лингвистических течений», совершается переход «от таксономического описания к изучению языкового устройства как кодирующей многоуровневой системы» (Бенуа 1995, 81).

Антропоцентрический принцип изучения языковых единиц оказал влияние на понимание «языкового» и «неязыкового» в лингвистике.

Компетенция лингвиста начинает распространяться на все то, что имеет отношение к существованию и функционированию языка. Современные исследователи нашли применение своим силам в разнообразных направлениях лингвистики, как традиционных — описательная лингвистика, ареальная лингвистика, типологическая лингвистика, сопоставительная лингвистика, так новых, получивших активное развитие в последней четверти XX века, — психолингвистика, социолингвистика, когнитивная лингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, лингвофольклористика. Это объясняет существование в современном научном пространстве многих лингвистик.

Антропоцентрический принцип в лингвистике оказал влияние на понимание роли исследователя. В своей деятельности «лингвисты очевидно должны, опираясь на имеющиеся у них знания системы языка, в большей степени и смелее применять свои сведения о человеке вообще, настойчивее искать в языке и способах его использования проявления здравого смысла народа, больше доверять интуиции носителей языка и своей собственной как исследователей» (Архипов 1990, 9). Сложившаяся ситуация в лингвистике осознавалась некоторыми исследователями как «свобода», позволяющая избирать в качестве предмета изучения самые разнообразные явления. Наибольшее количество исследований посвящено знаниям человека (моделируются ситуации, сцены и сценарии, фреймы) и его культуре (описываются языковые и индивидуально-авторские картины мира, ментефакты, прецедентные феномены, ментальность, культурное пространство); частотным становится термин *концепт*, который рассматривается как единица когнитивной лингвистики, так и единица лингвокультурологии. Существенно снижается интерес к системным исследованиям языка; он перемещается в область когнитивных и лингвокультурологических описаний. В большом количестве исследований лингвистический метод становится не главным, господствует интуиция (освещается общее положение дел, характерное для российской лингвистики последнего десятилетия XX века).

Сложившаяся ситуация позволила за достаточно короткий промежуток времени накопить разнообразные факты о языковых единицах разного уровня, их функциях, сложилась практика сотрудничества различных научных дисциплин, а границы лингвистики необозримо раздвинулись. И как результат — наличие многих школ, отсутствие общепринятой системы базовых терминов. В связи с создавшимся положением дел злободневным становится вопрос о предмете и методе исследования, понятийном аппарате. «Выполняет ли лингвистика свои обязательства перед обществом?», «Как далее будет развиваться лингвистика?», «Погружаясь в смежные области знания, не лишается

ли лингвистика собственного объекта исследования?» — вот те вопросы, которыми задавались ученые. Лаконично и емко данная проблема сформулирована в названии публикации Р.М. Фрумкиной *Куда ж нам плыть?* (1996, 67 сл.).

Обсуждая сложившуюся ситуацию в лингвистике, О.Г. Ревзина пишет:

Лингвистика явно нуждается в переосмыслении своего предмета и в фильтрации понятийного аппарата, исходя из сочетания точности и гибкости, а также использования «бритвы Оккама», то есть отказа от «преумножения сущностей». Целостная теория языка должна быть объемлющей — вовлекающей в сферу своего рассмотрения не только то, что мыслится как простое, но и то, что мыслится как сложное. Новый синтез должен осуществиться внутри самого языкознания (2004, 12).

Итак, куда ж нам плыть? Уроки лингвистических изысканий конца XX века поставили не только вопросы, но привели также к новому осознанию языка. Междисциплинарные исследования свойственны сегодня не только для гуманитарных дисциплин, но для науки в целом, что содействовало рождению синергетического взгляда на предмет изучения, а научный статус синергетики начинает осознаваться междисциплинарной областью знаний. При этом просматривается фундаментальная проблема — проблема связи и соотношения понятий «синергетика», «самоорганизация», «система», «развитие и эволюция».

В свете синергетических воззрений вновь становится актуальной проблема изучения системности языка (Н.Ю. Шведова, А.Е. Кибрик, И.М. Кобозева), интерес проявляется не только к фактам системным, но более к асистемным. Лингвисты и философы обращаются к описанию Порядка (Закона) и Хаоса, как возмутителя порядка и «двигателя» эволюции. И если ранее Хаос был предметом рассмотрения теологии, то в конце XX века он изучается различными научными дисциплинами.

Для нас синергетика значима своими высшими задачами: познать закономерности развития человека, его культуры, общества, полагаясь на законы Природы и Космоса; на этом пути нет преград перед иными, не научными знаниями; здесь должны сойтись философии Запада и Востока, их интерпретация мира и человека. Привлекательность синергетики видится также в том, что она позволяет следовать предмету описания, не предвзято избирая методы и частные методики. В современном научном знании человек, его культура предстают как совокупность огромного множества фактов, зачастую противоречащих друг другу; синергетический принцип способствует представлению человека и его мира как целостного.

В данной статье не ставим своей задачей говорить о различных «за» и «против» синергетических воззрений. Выскажем наше мнение: будущее синергетики видится в качестве ведущей научной парадигмы XXI века. В связи с этим упомянем работу О. Астафьевой, возлагающей на синергетику большие надежды в деле построения модели «нового общества» (2001).

Несмотря на значительные расхождения в терминологии, существующие трудности применения синергетического подхода в лингвистике, можно все-таки, пишет Н.Л. Мышкина,

прогнозировать, что в силу объективных потребностей в области искусственного интеллекта информационных технологий все большее число лингвистов будут вести исследование нелинейных (спонтанных) процессов в языке. [...] Предпосылкой к анализу нелинейного смыслодвижения выступает прояснение понятия «смысл» (2007, 28 сл.).

Синергетика рассматривает язык как биосоциальную самоорганизующуюся динамическую систему. При этом большое значение приобретает диахронический подход изучения языковых единиц. Обоснование последнего находим во введении диссертационного исследования Н.В. Пятаевой (2007).

Синергетический принцип актуален именно для сложных систем. Это объясняет тот факт, что существующие лингвосинергетические исследования прежде всего направлены на изучение текста как саморазвивающейся системы. Обратим внимание на такие сложные саморазвивающиеся языковые системы, как генетическая парадигма и семантическая категория, при изучении последних синергетический принцип признаем адекватным.

Исследование генетической парадигмы «*Давать//дать* → *брать* → *взять* → *иметь* → *нести* → *давать*» в истории русского языка предпринято Н.В. Пятаевой, которая определяет генетическую парадигму как комплексную (синергетическую) единицу лексико-семантического уровня языка, состоящую из нескольких этимологических гнёзд; их семантическое пересечение на всём протяжении истории языка обусловлено синкретизмом значений древнейших корней, к которым они восходят. Методологической базой исследования выдвигается положение о языковом развитии, понимаемом как диахроническая изменчивость языка, способность его к преобразованиям на всех уровнях языковой структуры, что обуславливает сочетание принципов системоцентрического и антропоцентрического, синхронного и диахронического описания языка и выбор частных методик лингвистического анализа материала (Пятаева 2007).

В семантических исследованиях последних лет термины *категория* и *семантическая категория* употребляются не часто: в некоторых случаях они вытесняются термином «концепт». (Думается, назрела необходимость в сравнительном анализе объема и содержания данных понятий; однако сложность заключается в различном понимании термина концепт.) Полагаем, невозможно признать положительным факт прерывания научной традиции; некогда созданная человеческой мыслью форма, отражающая законы познания, сознания, философские представления о мире, лингвистические воззрения на язык как функционирующую систему, имеет право на существование в современной лингвистике.

Обращение к понятию «категория» стало плодотворным не только для осознания категорий как философских построений, как феномена познания, но также для решения ряда вопросов собственно лингвистических.

В осмыслении категорий лингвистами следует выделить, на наш взгляд, два направления. Одно отражает североамериканскую лингвистическую традицию, опирающуюся на «классический» подход к категоризации. Основные принципы классического подхода выделения категорий сформулировал А. Ченки: (1) категории определяются на основе необходимых и достаточных признаков; (2) признаки являются бинарными; (3) категории имеют четкие границы (предполагается, что мир четко поделен на классы предметов); (4) все члены категории имеют одинаковый статус (нет разных степеней вхождения в категорию) (2002, 341 сл.). Можно полагать, что формальный подход в понимании и определении категорий сформировался отчасти под влиянием антропологической лингвистики, стремящейся выявить языковые универсалии.

Другое направление разрабатывается в российском языкознании и носит отпечаток философской постановки вопроса, что отразилось на понимании категорий: понятийные (философские) категории отражают наиболее существенные связи и отношения реальной действительности. Это категории в понимании Аристотеля (1978, 53 сл.): Сущность (Субстанция), Количество, Качество, Отношение (Соотнесенное), Обладание (Состояние), Где? (Место), Когда? (Время), Действие, Претерпевание (Страдание). О категориях Аристотеля и их дальнейшей разработке в лингвистике см.: Степанов 1981, 120 сл.

Формирование термина и понятия «семантическая категория» необходимо связать с учениями О. Есперсена и Г. Гийома, с теорией И.И. Мещанинова о понятийных категориях и исследованиями Н.А. Кобриной, а также с концепцией функционально-семантических

полей А.В. Бондарко. Существенный вклад в теорию семантических категорий и практику их описания внесли Л.М. Васильев и исследователи уфимской семантической школы.

Полагаем, что понятие «семантическая категория», в силу ее абстрактности и универсальности по отношению к языковому материалу, а также по причине научной освоенности является непротиворечивым и актуальным для различных научных принципов — системоцентрического, антропоцентрического, когнитивного, а также для философии языка.

Формирование категорий можно объяснить, опираясь на различные теории. С когнитивных позиций процесс познания имеет разнонаправленный характер: анализ (создание новых феноменов) и синтез (объединение феноменов некой категориальной сущностью). В когнитивной лингвистике формирование категорий связывается с процессом обобщающего мышления, необходимого для обработки и запоминания значительного количества информации: для создания представлений о мире недостаточно наших ощущений и переживаний, оформленных в языке и речи, недостаточно информации о фактах, необходима мысль о них, некое обобщение, осознание, что собственно и приводит к рождению категории, при этом концепты служат основой формирования категорий (Болдырев 2000, 23 сл.). В основе построения моделей мира в сознании человека лежат разнонаправленные процессы познания — категоризация и концептуализация. Первый процесс моделирует общее, абстрактное, второй — частное, конкретное.

Однако процесс познания нельзя свести к бинарной модели; он гораздо сложнее, так как отражает не только путь абстрагирования — конкретизации, но также зависит от позиции познающего. Необходимо учитывать точку зрения говорящего и наблюдателя, а также их позицию — возможность познающего рассмотреть, изучить предмет с дальнего, близкого расстояния, но также представить себя «внутри». Так, например, лес с точки зрения дальнего, среднего, близкого наблюдателя, а также «изнутри» осознается как обладающий разными свойствами. Таким образом, осознанное бытие становится иным сущим, «надбытием», по терминологии М.М. Бахтина (1979, 341 сл.). При этом сознание балансирует между образным восприятием бытия и его теоретическим осознанием; Бахтин отмечает особую важность «теоретизированного мира» в познании (1992, 241). Для целенаправленного действия сознанию необходимо иметь опору в виде конечной цели, некой идеи, поэтому теоретизирование сопровождается познанием. Мы пишем об этом в связи с тем, что смысловое ядро семантической категории может соотноситься с инвариантом (прототипом), сложившимся именно в ситуации творения «надбытия», содержание которого выявляется при обращении к глубинной семантике. Подобное

понимание в определенной степени соотносимо с идеей рефлексивного сознания и отражения результатов этой деятельности в предсемантике (Вардуть 1977, 172сл). Таким образом можно предположить исконную склонность человеческого сознания к теоретизированию, соответственно, к созданию категорий.

Рассмотрим семантические категории в аспекте эпистемологии. Формирование категорий может быть объяснено творческой деятельностью сознания, направленного на конструирование понятий, без которых рассудочная деятельность просто не может начаться, которые являются чистыми фикциями, т.е. не являются объектами в обычном смысле этого слова, поскольку человек как субъект познания всегда находится «внутри» этих целостностей и не может «выпрыгнуть» из них, посмотреть на них со стороны. При этом в деятельности сознания работает механизм «опережающего отражения», суть которого в том, чтобы отражать не имеющиеся факты, реалии, а, забегая вперед, с помощью воображения конструировать возможную модель, заведомо превышающую потребность решения локальной задачи.

В связи со сказанным представляется продуктивной мысль, высказанная В.В. Колесовым по поводу теоретического обоснования концепта, где под концептом понимается «зерно первосмысла» (2002; 2007, 18). В данном случае нас интересует не теория концепта, а рождение смысла. Выскажем следующую, гипотетическую, идею: именно «первосмыслы» следует рассматривать как основу формирования категорий типа Сущность, Действие, Состояние и под. Представляется, что мысль о «первосмысле» перекликается с идеями А.Ф. Лосева (1995) о смысле как о сущности независимой от человека. В синергетических концепциях смысл предстает как энергия, которая описывается в терминах *пульсация, зыбление, энергостяжение* и т.д.

Сущность семантических категорий, их статус в языке, связь с другими системами, требуют особого подхода при выявлении объема и содержания категории, ее свойств и функций. Наиболее продуктивным в изучении семантических категорий следует признать комплексное описание, опирающееся на семантический, онтологический, ономазиологический, когнитивный, диахронический, культурологический подходы, необходимо также философское рассмотрение и герменевтическое освещение фактов глубинной семантики. Задачи такого описания видятся в следующем:

- 1) выявление прототипических смыслов, составляющих семантическое ядро категории и соответствующих единиц «формотворчества»;
- 2) объяснения путей формирования семантического ядра категории;
- 3) описание парадигматические отношений лексико-семантических единиц категории;

- 4) изучение функциональных свойств единиц категории;
- 5) исследование взаимодействия различных структур знания в рамках семантической категории.

Естественно, что каждая задача требует соответствующего лингвистического метода, частных методик и приемов. Подобный эклектизм не является самоцелью. Он отражает сложность предмета изучения и его познания, задачи исследования. Комплексный путь избирается также потому, что его результаты проверяются и корректируются различными методиками и приемами.

Подобный комплексный подход был апробирован на материале семантической категории состояния (Камалова 1998). При этом мы придерживались принципов естественности, полноты, опоры на категоризацию и концептуализацию как общие принципы познавательного процесса и формирования знаний, учитывали точку зрения наблюдателя, его позицию. Исследование выполнено на материале разнообразных лексикографических произведений, художественных и публицистических текстов, памятников русской книжности, учитывались факты истории, культуры, мнения философов и богословов.

Исследование проводилось в тех аспектах, которые требовал предмет изучения и интуиция исследователя. При этом смена принципа и аспектов описания требовала использования соответствующей терминологии и методики. В результате исследование объединило разнородные сведения о семантической категории состояния. Далее в общем виде представляются результаты комплексного описания семантической категории состояния.

1. Первоначально потребовалось выяснить историю имени категории — слова *состояние*, которое является многозначным, его лексико-семантические варианты настолько разнородны, что позволяет авторам словарей и исследователям рассматривать их как омонимы; современная семантическая структура слова *состояние*, семантический инвариант и логико-понятийное ядро слова складывается в течение XVIII–XIX веков.

2. Далее обратились к философскому, логическому, семантическому, формальному обоснованию категории, разработали критерии ее отличия от других семантических категорий.

Базой «распознавания» категории состояния стали парадигмы, которые позволили выявить своеобразную закономерность — совмещение различных структур знаний. Экспериментально доказано совмещение структур знаний:

- а) логических — «значение есть мир (универсум)» или «О чем мы говорим?»;
- б) когнитивных — «значение есть сцена (событие, факт)» или «Что мы об этом знаем?»;

в) семантических — «значение есть вещь (ситуация)» или «Что мы об этом говорим?»

г) языковой компетенции — «значение есть употребление» или «Как мы об этом говорим?»

Для понятия «состояние» было необходимо разграничить его от понятий «качество», «процесс», «действие».

Было выявлено, что состояние — это (1) предикат одного аргумента (одновалентный), для выражаемой им ситуации характерны (2) протяженность во времени, (3) эпизодичность, (4) фазовость, (5) нединамичность (статичность) и (6) неконтролируемость, (7) причинная обусловленность; предикат состояния (8) не сочетается со словами оценки и локативами, его (9) субъект пассивен. Совокупность перечисленных семантических признаков составляет прототипическое значение для ситуации, понимаемой как актуальное состояние.

3. Был проведен лексико-семантический анализ, классификация и описание структуры категории, выявление семантического ядра и периферии, исследование пограничных лексико-семантических зон.

В качестве самостоятельных семантических типов (полей) выступают предикаты со значениями ‘состояние природы (погода)’, ‘состояние вещей’, ‘физиологические потребности («желания» тела)’, ‘жизнедеятельность организма (состояние тела)’, ‘психологическое состояние (состояние души)’, ‘имущественное состояние’. На периферии выявляются состояние-отношение (*любовь*), состояние-действие (*не работается*), состояние-процесс (*заболевает*).

4. Предпринято функционально-семантическое описание лексико-семантических единиц со значением физического состояния, физиологического состояния, психического состояния и имущественного состояния на основе сценария, включающего четыре типовые структуры: поверхностно-синтаксический фрейм, поверхностно-семантический фрейм, тематический фрейм и фрейм повествования.

Это дало возможность выявить максимальное количество смыслов, имеющих отношение к идее «состояние», а также разнообразные средства выражения этих смыслов: лексические и фразеологические единицы, грамматические формы, синтаксические конструкции, изобразительные средства художественной речи (образные парадигмы, символы, структура текста и пр.).

5. Предпринято этимологическое, историческое и лингвокультурологическое описание базовых концептов.

Благодаря историческим экскурсам, привлечению исследований по истории слова, выявлены отдельные смыслы и средства, относящихся к раз-

ным эпохам истории языка и культуры, намечены общие закономерности саморазвития семантической категории состояния как системы.

Проведенное исследование позволяет моделировать семантическую категорию состояния как целостный объект, совокупность разнообразных структур знаний, системных и асистемных, как объект динамический, получивший абстрактное, образное, символическое представление в языке и эстетическое освоение в речи.

Библиография

- Аристотель (1978). *Сочинения*. Т. 2. Москва.
- Архипов, И.К. (1990). *Человеческий фактор в языке*. В кн.: *Лексическая, категориальная и функциональная семантика. Межвузовский сборник научных трудов*. Ленинград, 3–10.
- Бахтин, М.М. (1979). *Эстетика словесного творчества*. Москва.
- Бахтин, М.М. (1992). *М.М. Бахтин как философ*. Москва.
- Бенуа, Ж.П. (1995). *Предикатно-ролевая классификация ситуаций в русском языке (опыт когнитивной семантики к ролевой грамматике русского языка)*. «Русистика сегодня» № 2, 81–107.
- Болдырев, Н.Н. (2000). *Когнитивная семантика*. Тамбов.
- Булыгина, Т.В., Шмелев, А.Д. (1997). *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. Москва.
- Вардуль, И.Ф. (1977). *Основы описательной лингвистики*. Москва.
- Васильев, Л.М. (2007). *Общие проблемы лингвистики: теория и методы*. Уфа.
- Камалова, А.А. (1998). *Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах*. Архангельск.
- Катречко, С.Л. (2008). *Знание как сознательный феномен*. <filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000622/>.
- Колесов, В.В. (2002). *Философия русского слова*. Санкт-Петербург.
- Колесов, В.В. (2007). *Λογος и Ratio*. В кн.: Ибрагимова, В.Л. (ред), (2007). *Семантические, грамматические и когнитивные категории языка*. Уфа, 26–32.
- Лосев, А.Ф. (1995). *Философия имени*. Москва.
- Мышкина, Н.Л. (2007). *Синергетическая лингвистика: перспективы и проблемы развития*. В кн.: Ибрагимова, В.Л. (ред). *Семантические, грамматические и когнитивные категории языка*. Уфа, 26–32.
- Николаев, Н.И. (1992). *Лекции и выступления М.М. Бахтина 1924–1925 гг. в записях Л.В. Пумпянского*. В кн.: *М.М. Бахтин как философ*. Москва, 221–252.
- Пятаева, Н.В. (2007). *Генетическая парадигма «Давать//дать → брать → взять → иметь → нести → давать» в истории русского языка*. Уфа.
- Ревзина, О.Г. (2004). *Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка*. «Критика и семиотика» № 7, с. 1120.
- Степанов, Ю.С. (1975). *Методы и принципы современной лингвистики*. Москва.
- Степанов, Ю.С. (1981). *Имена. Предикаты. Предложения*. Москва.
- Фрумкина, Р.М. (1996). *Куда ж нам плыть?* В кн.: *Московский лингвистический альманах*. Вып. 1. *Спорное в лингвистике (семантика, лексикография, референциальный анализ, метаязык лингвистики)*. Москва, с. 67–81.

- Ченки, А. (2002). *Семантика в когнитивной лингвистике*. В кн.: Кибрик, А.А., Кобозева, И.М., Секерина, И.А. (ред). *Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления*. Москва, 340–369.
- Шагуновский, И.Б. (1996). *Семантика предложения и неререферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика)*. Москва.

Alla Kamalova

METHODOLOGY OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN LINGUISTICS

Summary

In the late 20th century, the Russian linguistics has changed, especially with regard to research philosophy, methods applied and the subject of study. The anthropocentric paradigm in the language studies contributed to the emergence of various schools and, therefore, brought about a particular vagueness of terminology and alliances between linguistics and other scientific disciplines. However, the anthropocentric paradigm enriched linguistics with sophisticated techniques of study of various language phenomena; co-operation with other sciences brought out a new modus of speculation about language that is referred to as synergetic. The article points out that synergetics is highly applicable to the study of complex systems such as generative paradigms, semantic category etc. The author's standpoint is that synergetics claims to become a new scientific paradigm that might aggregate a scientific, religious and esoteric understanding of language, human and universe.

Alla Kamalowa

METODOLOGIA WSPÓŁCZESNEGO JĘZYKOZNAWSTWA ROSYJSKIEGO

Streszczenie

U schyłku XX w. rosyjskie językoznawstwo zmieniło się, zwłaszcza w odniesieniu do filozofii i przedmiotu badań, a także stosowanych metod. Antropocentryczny paradygmat w badaniach językowych przyczynił się do powstania różnych szkół i dlatego też skutkowałam szczególnym rozmyciem terminologii oraz sojuszem językoznawstwa z innymi dyscyplinami naukowymi. Jednak antropocentryczny paradygmat wzbogacił językoznawstwo o wyszukane techniki badawcze różnych zjawisk językowych; współdziałanie z innymi naukami przyczyniło się do powstania nowego sposobu spekulacji o języku, który określa się jako synergetyczny. W artykule wykazano, że synergetyka ma szerokie zastosowanie przy badaniu złożonych systemów, takich jak paradygmaty generatywne, kategoria semantyczna itd. Autorka zajmuje stanowisko, że synergetyka ubiega się o miano nowego paradygmatu naukowego, który może scalić naukowe, religijne i ezoteryczne rozumienie języka, człowieka i świata.